
ЛИДИЯ ПОЛЯКОВА

НЕРАВНОДУШНЫЙ

К 80-летию Н. С. Леонова

Ещё струилась, переливаясь под сводами концертного зала всеми красками русской осени есенинская “Отговорила роща золотая...” в исполнении хора рязанской филармонии, как зал уже взорвался неистовыми аплодисментами. Совсем рядом, справа от меня, раскатился восторженный мужской выдох: “Браво, Рязань!”, мгновенно подхваченный множеством голосов. Я обернулась, чтобы найти того, кто смог объединить и выразить в одном восклицании настрой зала, и увидела Николая Сергеевича Леонова.

Не правда ли, человек, которого часто видишь на экране телевизора в любимой передаче, воспринимается уже как старый добрый знакомый. А ведь когда в эфире шла программа “Русский дом”, вся наша семья приняла к экрану, чтобы выслушать комментарии Н. С. Леонова на самые острые политические события. Глубочайшая аргументация, доскональное знание предмета, яркая речь – всё подтверждало его высокий профессионализм учёного, академика РАЕН, политика, депутата Государственной Думы, в прошлом разведчика и дипломата.

И вот меня познакомил с этим удивительным человеком мой земляк А. В. Теренин.

В Николае Сергеевиче совершенно не оказалось чванства или надменности – качеств, часто присущих знаменитостям. Он был внимателен, доброжелателен, сердечен. После мы неоднократно встречались с ним на мероприятиях рязанского землячества в Москве. Спустя три года я попросила его немного рассказать о себе...

Небольшая рязанская деревушка Алмазово. Сегодня она почти обезлюдела, а в двадцатые годы прошлого века была большим селом с истово трудившимися на своей земле хозяевами и насчитывала 120 дворов.

Николай Сергеевич Леонов родился в этой деревне 22 августа 1928 года. До десятилетнего возраста воспитывался там и на всю жизнь сохранил трогательную любовь к своим истокам.

Деревенский быт Н. С. Леонов помнит до мелочей, до оттенков цвета и характерных запахов.

– Сейчас, – говорит Николай Сергеевич, – в Алмазово уж не осталось молодежи – доживают свой век старики, нет непрерывного крестьянского труда и традиционного рукоделия. Но у меня в памяти до сих пор клубятся веселые дымы над избами и звучит утренняя переключка петухов.

ПОЛЯКОВА Лидия Александровна родилась в 1948 году в селе Просечье Новодеревенского района Рязанской области. Закончила институт народного хозяйства. Работала экономистом. Сейчас на пенсии. Пишет стихи и прозу. Лауреат литературной премии “Московский Парнас”. Живёт в Москве

Зимой работа перемещалась в дома. Приходило время рукоделия. Мужики правили инструменты, шили обувь, шапки, дубленые шубы и тулупы. Женщины всю зиму пряли шерсть либо коноплю и ткали длинные серые полотна, вязали платки, варежки и носки. Сегодня конопля у нас воспринимается только как сырье для производства наркотика. Русские крестьяне прошлого века из конопляного полотна шили почти все – простыни и полотенца, нижнее белье, штаны и рубахи. И саваны для усопших. Конопля одевала нас с ног до головы. Конопляное масло применялось в хозяйстве. Как случилось, что теперь матушка-конопля стала отравой, губительницей, наркотиком?..

Старый год провожали весело. Ребяшня натаскивала огромную копну соломы. Костер озарял на версту вокруг всю деревню. Мальцы носились вокруг костра с визгом, парни и девушки затевали песни и танцы под потертую гармошку.

На пасху все пекли куличи. Ребятишки катали крашеные яйца: чье укатится дальше, тот и выиграл, или бились ими: у кого скорлупа лопалась – должен был отдать святое яичко победителю.

Перед началом сева вся сельскохозяйственная техника проходила осмотр и выставлялась перед зданием правления. Ребяшня кругами ходила вокруг плугов, борон, вейлок и крупорушек. Даже телеги и водяные бочки стояли на изготове, увешанные залатанной сбруей.

Пахота и сев – в этот период отдыхали только из-за лошадей. Обедали мужики на борозде. Во время жатвы деревня – кроме стариков и младенцев – переселялась на гумна. Нас, ребяташек, отовсюду гоняли, чтобы не попали под вилы, поручали нам либо воды с родников принести, либо солону в ометах утапывать... .

Зато конец полевых работ отмечался с размахом: председатель всегда выделял быка, пару баранов, поросенка для праздничного стола. Хорошо помню деревенские яства – студень, требушинные колбасы. Кишки промывали и заплетали в “косы”, которые затем жарили до золотистого цвета... Из самого мяса готовили только первые блюда – так велось испокон веков. Гулянье длилось два-три дня, да с песнями и плясками. Не будь тех лет, – продолжает Николай Сергеевич, – я бы считал себя безнадежно обездолженным.

Слушая Н. С. Леонова, я понимаю, что деревня тех лет представляла собой неповторимый мир, в котором труд, быт, уклад, природа соединились в единое целое, формируя особую русскость природы маленького человека, прививая уважение к труду, почитание традиций, упоение национальной культурой, любовь к отеческим корням.

И во всех последующих обстоятельствах и событиях жизни неизменно сохранились в нем кристаллы Алмазово, зародившиеся в детстве.

– Как же случилось, что Вы переехали в Москву?

– До Москвы была Электросталь, где к тому времени уже обосновались мама и отчим. Он работал на железной дороге, был очень добрым человеком, и до 1947 года я прожил с новой семьей. За это время у меня появились четыре чудесных сестрички, с которыми мы до сего дня живем душа в душу.

Железнодорожники жили бедно. Так как многие из них вышли из сел или городских предместий, то разбивали огороды, заводили скотину, чтобы сводить концы с концами. Но отчима огородно-коровьи дела не очень увлекали – он считал, что в семье есть второй мужик, то есть я, и переложил эти обязанности на меня.

– А как же учеба?

– Да в нашей среде молодежь не особенно стремилась к учебе. Почти все мои сверстники школу бросили рано. Мне же учеба нравилась и давалась легко. Я без проблем переходил из класса в класс. Пока не началась война. С этого момента мне пришлось резко взрослеть – слишком жестокие вещи происходили вокруг. Железнодорожников в армию не брали, но все они были переведены на казарменное положение. Огорода для выживания стало не хватать, и я с приятелем Сашкой, отца которого расстреляли за неосторожные высказывания, стал ходить за почасовую оплату на очистку железнодорожных путей от снега.

Два года школа не работала. Семья голодала – ведь на руках у матери были четыре дочки мал мала меньше. Выхода не было – пришлось совершать дальние поездки за хлебом в Горьковскую область, где мы с товарищами мели скудный домашний скарб на муку, пшено, крахмал.

Ездили на крышах вагонов, в товарных составах. Случилось двое суток ехать, закопавшись в каменный уголь в открытом полувагоне под непрерывным дождем. И милиция, и уголовники были опасны – первые могли принять за диверсантов, вторые просто убить за те жалкие узелки с продуктами, которые мы везли домой. Спасали только мальчишеские слезы и крайняя щедрость, больше и рассчитывать-то было не на что.

Когда в 1943 г. школа возобновила регулярные занятия, я совершенно не хотел возвращаться к учебникам – отвык! Но здесь отчим проявил требовательность, и пришлось снова начать учиться.

Как больно слушать воспоминания о жизни подростка в годы войны. Четырнадцатилетний парнишка добывал пропитание для семьи, и каким опасным и тяжелым способом! И ведь это не был исключительный случай – сколько подростков тогда работали наравне со взрослыми, чтобы прокормить не только себя, но и родителей, братьев и сестер.

Что же происходит с нами сейчас, Боже праведный, когда нынешние “тинейджеры” – наши дети! – сбиваются в стаи, утопают в наркотической трясине, выходят на панель (и девочки, и мальчики!), а благополучные “выбирают пепси”! И не война вроде, *и можно не умереть с голода*... Что-то случилось со всеми нами, и нет примеров для подражания, нет положительных героев в нашей стране!

– В это время я очень сблизился с Виктором Рейтблатом, отец которого погиб на фронте, – продолжает рассказ Николай Сергеевич. – Виктор давал мне читать книги из библиотеки отца. Прочитав фундаментальные исследования по современной истории, я очень увлекся этой наукой. Через много лет я стал заниматься ею профессионально.

Виктор же привил мне любовь к изучению иностранных языков. Шла Великая Отечественная война, и потому мы с особым тщанием штудировали немецкий. К концу обучения в школе я читал в подлиннике “Так говорил Заратустра” Ницше.

В 1947 г. голод в семье был нестерпимым. Я готовился к выпускным экзаменам и не мог надолго уезжать из дома. Жили только тем, что получали по карточкам. Учителя из школы тайком собрали в складчину деньги и купили мне абонемент на получение горячих обедов в школьной столовой. Сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что они просто совершили подвиг – ведь у каждого из них были семьи, и эти деньги для меня изымались из скромных семейных средств. Но возможно, что эта поддержка спасла мне жизнь.

Окончив школу с золотой медалью, я качался от истощения – и от счастья! Я твердо решил: буду поступать в вуз.

Я спросила у Николая Сергеевича, как для дальнейшего обучения был выбран МГИМО, не самый популярный тогда среди абитуриентов институт.

– Я склонялся к тому, чтобы подать документы на юридический факультет МГУ. Но Виктор стал убеждать меня поступать вместе в МГИМО. Подготовив два заявления для подачи документов, я приехал в Москву. Первый же милиционер объяснил мне, что гораздо проще и дешевле от вокзала добраться до МГИМО, и мой выбор был сделан.

Экзамен по немецкому сдал легко. Для специализации выбрал испанский язык – все мы еще помнили республиканские события в Испании. И был зачислен в институт.

Студенческая жизнь Николая Леонова не была особенно веселой. Отпрыски высокопоставленных руководителей, заранее знавшие, как будет складываться их карьера, не очень сблизались с ним, все пять лет носившим отцовский мундир железнодорожника – другого костюма просто не было. Привыкший со школьной скамьи с ответственностью исполнять работу, он и в институте не отступал от своих принципов. Трудолюбивого, талантливого юношу заметили “наверху”, и уже перед последней сессией он получил предварительное распределение в МИД, куда и направили его личное дело. Он был не только отличником, но и активным комсоргом академической группы.

А затем произошли события, коренным образом изменившие его перспективы.

Одна из студенток, дочка ответработника, написала заявление о том, что пятеро студентов, готовившихся к экзамену в институтской аудитории, якобы хотели ее изнасиловать. Мать девушки отправила письмо министру иностранных дел А. Я. Вышинскому, требуя расправы над “насильниками”. Все сту-

денты группы, в которой учился Леонов, знали, что это просто месть за отказ дать однокурснице рекомендацию в партию. Но репрессивный аппарат заработал: всех пятерых лишили направлений на работу, а среди них было три ветерана Отечественной войны и парторг группы. У всех были семьи.

Николай, хорошо знавший всех участников этой драмы, был комсоргом. А еще он был светлым и искренним советским парнем. Его вера в обязательное торжество справедливости и в личную обязанность приходить на помощь всем, кто в ней нуждается, не позволили ему остаться безучастным. Он подготовил письмо на имя А. Я. Вышинского, в котором изложил истинную подоплеку и обстоятельства этого “дела” и просил отменить карательные меры против несправедливо обвиненных сокурсников.

Письмо подписали все члены группы, кроме одного.

Спустя несколько дней за Леоновым прибыл чиновник в черной министерской машине и немедленно доставил его прямо в кабинет министра. Осмотрев щуплого молодого человека в лыжном костюме, министр устроил разнос. Он кричал, что если подтвердятся факты, изложенные в жалобе матери обиженной студентки, то все обвиняемые пойдут под суд, а все, подписавшие письмо в их защиту, и прежде всего комсорг, как организатор этой защиты, будут нести партийную ответственность. Кроме того, будет рассмотрен вопрос о целесообразности их обучения в МГИМО.

Назавтра Леонов был снят с поста комсорга, получил строгий выговор. Пятеро облыжно обвиненных студентов были исключены из партии. Они пытались оправдаться, но их обращение в райком партии привело к еще одной публичной порке. Заявление в горком – и те же результаты.

Отчаянию не было предела – совсем немного оставалось до экзаменов, а вопрос о допуске к ним оставался открытым!

Последней надеждой было письмо в комиссию партийного контроля. На рассмотрение их вопроса они не были допущены. Но решение комиссии было невероятным: “Все партийные наказания отменить как необоснованные”.

А. Я. Вышинский покарал их по-своему: всем было отказано в зачислении в аппарат МИДа. Леонова, отличника учебы, направили на самую унижительную работу – в Издательство литературы на иностранных языках практикантом контрольного редактора...

Справиться с ополчившейся властью любого уровня не каждому под силу, ведь защищающая самое себя власть становится монолитной. Но он не был сломлен.

Работа в издательстве, между тем, принесла неожиданные плоды. Сотрудниками Леонова в большинстве своем были повзрослевшие дети испанцев, переехавших в СССР в тридцатые годы. Между собой они говорили по-испански. И выученный в институте язык совершенно естественным образом стал живым и привычным.

Через некоторое время высокий уровень владения испанским был оценен руководством издательства, которому было поручено формирование группы наиболее перспективных работников для совершенствования лингвистического опыта за границей. Николай был направлен в Мексику (с Испанией не было дипломатических отношений) в качестве стажера советского посольства с посещением занятий на филологическом факультете университета. Таким образом его готовили к дальнейшей работе в качестве переводчика для межправительственных переговоров.

Итак, в апреле 1953 г. он отправился в дальнюю дорогу – в Мексику. Из Москвы до Генуи по железной дороге, а из Генуи до Веракруса – морем. Леонов был просто счастлив – ему предстояло повидать полмира и получить столько новых впечатлений! Он, никогда не видевший моря, пересечет океан!

На корабле “Андреа Гритти” состоялось его знакомство с кубинским юношей Раулем Кастро. Почти три недели в ограниченном пространстве, среди безбрежной водной стихии – обстановка располагала молодых людей к интенсивному общению: они были молоды, и их объединял испанский язык. Расставаясь в кубинском порту, они не предполагали, что когда-либо встретятся вновь.

...В Мексике из газет Леонов узнал, что его попутчик, Рауль Кастро, находится в тюрьме на острове Пинос за участие в штурме казарм Монкадо. Через несколько лет через прессу и информацию по радио стало известно, что Рауль и Фидель Кастро и еще несколько их единомышленников высланы

в Мексику. В 1956 году совершенно случайно Николай и Рауль вновь встретились – на этот раз на жаркой улице.

Дорожное знакомство переросло в теплую дружбу, пронесенную через десятилетия в наши дни. Некоторое время спустя Рауль познакомил Леонова с Че Геварой. Николай Сергеевич вспоминает, что был просто потрясен общением и дружбой с Раулем и Че – они были молоды, но все их помыслы были устремлены на борьбу с диктатурой Батисты. Для них не существовало никакого другого пути, кроме революции, и лозунг “Родина или смерть” был для них формулой жизни.

Однажды утром на первой полосе газеты “Эксельсиор” Леонов увидел крупный заголовок “Арест кубинских заговорщиков” и узнал, что агенты Батисты выследили Фиделя и часть его группы и правительство Кубы потребовало от мексиканцев принять меры по предотвращению подрывной деятельности. Во время обыска на квартире Че Гевары полиция обнаружила визитную карточку Леонова. Сразу же возникла желанная версия о “руке Москвы”. Так он оказался “связанным с путчистами” и с окончательным штампом на биографии “не годен к несению дипломатической службы” по решению посла был вскоре откомандирован на Родину.

Блестящее образование, полученное на родине и за рубежом, оказалось никому не нужным. Снова началась рутинная работа в Издательстве литературы на иностранных языках. В 1958 году он поступил в заочную аспирантуру Института истории Академии наук по курсу истории Латинской Америки. Какую-то яркую нотку привнесила активная комсомольская работа – он был членом райкома комсомола. Но в душе он готовился полностью посвятить себя научной работе. Неожиданно, весной 1958 г., его пригласил на беседу в отдел кадров сотрудник КГБ, который, поговорив с ним немного о работе, о здоровье, о планах, предложил ему перейти на работу в Комитет, в управление, занимающееся внешней разведкой. На размышление ему был дан один день.

В тот исторический период, когда страна, победив в страшной войне, понемногу восстанавливалась из разрухи, очень многие люди жили ощущением своей причастности к судьбе государства и общества. Леонов, после ночи напряженных раздумий, решил, что активная, нужная, опасная работа на благо государству гораздо важнее библиотечно-кабинетных исследований в области истории чужих народов и стран. И так, первого сентября 1958 года он приступил к обучению навыкам и знаниям профессионального разведчика. Но едва начался второй год обучения, было принято решение направить его в качестве переводчика и охранника с заместителем Председателя Совета Министров СССР А. С. Микояном в Мексику на открытие выставки достижений советской науки и техники.

Микоян с официальными лицами Мексики объездил всю страну, принимал участие в самых различных мероприятиях, пытаясь обновить советско-мексиканские отношения и направить их в новое русло. Однако поездка оказалась бы совсем безрезультатной, если бы не неожиданно прибывший посланец революционного кубинского правительства с просьбой посетить Кубу с официальным визитом в ближайшее время. Это был прорыв – складывались предпосылки для улучшения позиций Советского Союза в Латинской Америке!

В январе 1960 года Н. Леонова направили в командировку на Кубу в качестве переводчика правительственной делегации. Были учтены его личные контакты с Раулем и Фиделем Кастро. Микоян не скрывал, что рассчитывает на дружеские отношения Николая Сергеевича с руководителями Кубы для создания атмосферы особой доверительности в процессе переговоров.

“Кубинцы, свергшие диктатуру, были опьянены свободой и счастьем, – говорит Николай Сергеевич, – казалось, над страной круглосуточно звучал “Марш 26 июля”.

Визит длился несколько дней и был переполнен эмоциями. Программы не было – она формировалась на ходу и состояла их сплошных неожиданностей. Посол Советского Союза был в шоке от полного отсутствия протокольного порядка. Банкетов не было – ужинали мы собственноручно выловленной в лагуне рыбой, обедали в столовой дорожных строителей рисом с корнеплодами. Спали на бетонном полу недостроенного кемпинга, кутаясь в старенькие шинели. Основные переговоры состоялись не за столом, а на мостках охотничьего домика, глубокой ночью. Вокруг ревели гигантские лягушки и звенели

тучи комаров. Именно там и было принято решение об установлении дипломатических отношений и торгово-экономических связей.

В это время под влиянием революционных событий на Кубе во всех советских ведомствах, занимающихся внешними делами, стали формироваться подразделения, ориентированные на исследования проблем Латинской Америки. В разведке также было сформировано кубинское направление, которое и предложили возглавить мне. Здесь я стал начальником и единственным работником.

Однако при проведении официальных мероприятий с кубинскими руководителями меня неизменно просили принимать в них участие в качестве переводчика – таким образом я неоднократно общался со своими добрыми друзьями – Раулем Кастро и Че Геварой.

Че был революционером до мозга костей. Он не представлял себя вне революции. “Если революция на Кубе погибнет, – говорил он, – не ищите меня среди тех, кто будет скрываться в иностранных посольствах. Ищите меня среди погибших”.

Вообще, он считал, что политический руководитель, государственный деятель, которому народ доверил судьбу в ходе выборов, не смеет, не имеет права уходить в отставку по собственной слабости, под давлением обстоятельств. Он просто обязан драться до конца, и остановить его в борьбе за интересы народа может только собственная смерть.

Что бы сказал сегодня Че, глядя на нескончаемую череду наших политических пигмеев...

Работа на переговорах, представительские особняки не приносили мне большого удовлетворения, – продолжил Леонов. – Я знал, что как разведчик был бы полезнее за кордоном, на переднем крае. Я попросился на соответствующую работу и вскоре был направлен в Мексику в качестве третьего секретаря посольства”.

Разведчик. При этом слове у людей возникают различные ассоциации. Но понятия “тайна”, “опасность”, “интересы страны” присутствуют обязательно. Итак, на долгие годы и жизнь, и профессиональная деятельность Н. С. Леонова должны были определяться этими критериями.

Я спросила у Николая Сергеевича, какова мотивация выбора внешней разведки как профессиональной деятельности, а скорее, как образа жизни. Что лежит в ее основе? Деньги, награды, какие-то льготы? Но ведь неотъемлемой составляющей работы разведчика является постоянный риск провала, и в этом случае кара – в зависимости от законодательства соответствующих государств – до пожизненного заключения и даже до смертной казни...

Немного помедлив, он ответил: “Здесь не должно быть двух мнений. Работа разведчика может быть любимой, одухотворенной и возвышенной только тогда, когда сам он является убежденным, глубоким патриотом, искренне любящим свою страну. Самыми лучшими людьми, с которыми мне довелось работать за рубежом в интересах Советского Союза, были люди, любившие Родину больше жизни. Вечное им спасибо за это! Ведь надо помнить, что за разведчиком в чужой стране не стоит никакая сила – лишь собственная идеология, знания, логика и воля. Он должен быть верен, надежен, смел, толков. Что же касается денег, то наши разведчики получают только ту зарплату, которая соответствует их должности по прикрытию. То есть я получал зарплату третьего секретаря посольства и ни одного цента больше”.

Это неожиданное открытие. Я думала, что за свою работу разведчики получают какие-то очень высокие гонорары, ведь разведчик – это “штучный товар”. Это достояние государства. Человек, который во враждебной среде в одиночку решает поставленные задачи. Оказывается, священную жертву – свою жизнь! – на алтарь Отечества разведчики возлагают только во имя абсолютной, бескорыстной, всепоглощающей любви...

Раз уж мы коснулись вопроса об опасностях в жизни разведчика, я спросила у Николая Сергеевича, как можно жить с постоянным присутствием угрозы провала?

“Постоянно помнить об опасности невозможно, – ответил он. – Это уходит куда-то в подсознание и проявляется только в непрерывном самоконтроле. Ведь и на подводной лодке, скажем, о нештатной ситуации, которая может случиться каждую секунду, перестают думать очень скоро, иначе в автономке можно просто сойти с ума... Но даже если разведчик сработал безупречно,

всегда есть еще такой неучтенный фактор, как возможное предательство “товарища по оружию”. От этого не застрахован никто.

Что чувство внешней угрозы всегда с тобой, понимаешь только дома, в России, во время отпуска, по ощущению абсолютной свободы и легкости, заполняющему тебя сразу.

В мои служебные обязанности во время работы в советском посольстве в Мексике входили встречи с различными посетителями. Однажды в воскресный день, когда мы с коллегами играли в волейбол на спортивной площадке посольства, дежурный попросил меня принять назойливого посетителя – американца, который не хотел дожидаться приемного дня. Чертыхнувшись про себя, я отправился в комнату для приема иностранцев. Там находился необычайно бледный молодой человек, перед которым на столе лежал заряженный револьвер. Он представился: Ли Харви Освальд, и сказал, что хочет немедленно вернуться в СССР, где прожил несколько лет, так как опасается за свою жизнь и за жизнь членов семьи. Он говорил, что за ним постоянно следят, и в гостинице, где он живет, за ним следят все – кастелянша, горничная, привратник. Голос его был сбивчивым, глаза лихорадочно блестели. Он заявил, что сегодня же их всех перестреляет. Он начал было писать заявление о предоставлении гражданства СССР, но руки у него так дрожали, что он не смог его дописать. Было совершенно очевидно, что это человек с перевозбужденной нервной системой, находящийся на грани срыва. Говорить с ним было бессмысленно – он был под властью каких-то неясных образов и сцен. Пришлось уговаривать его подождать решения вопроса о гражданстве и не предпринимать никаких действий, которые могут повредить положительному решению вопроса.

Когда через некоторое время я узнал, что именно его обвиняют в убийстве президента США Джона Кеннеди, мне стало ясно, что Освальда “назначили” козлом отпущения, потому что почти неменяемый человек, пальцы которого не могли твердо держать авторучку, не смог бы так хладнокровно и точно произвести смертельные выстрелы.

За годы моей работы в качестве разведчика у меня, конечно, было много запомнившихся встреч. Мне доводилось общаться с государственными и политическими деятелями различных стран, с представителями культурной элиты, с рядовыми гражданами.

В 1971 г. мне предложили стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки, а через два года я стал начальником этого управления.

Давая согласие на назначение, я четко осознавал, что этот участок разведывательной работы нуждается в усилении и должен стать надежным основанием для выработки государственной политики.

Такого же мнения придерживался и пришедший на руководящую должность в КГБ Ю. Андропов. Он требовал от работников нестандартного мышления, умения аргументировать собственное мнение. Его требовательность убедила всех нас в необходимости тщательно готовиться к обсуждению рассматриваемых проблем, заранее формулировать свою точку зрения и предложения.

Знаете, люди не слишком глубокие частенько пускаются в досужие рассуждения о целесообразности существования органов разведки. На это только можно возразить, что с древнейших времен каждое государство создавало системную разведывательную службу, чтобы избежать ошибок во внешнеполитической деятельности, ибо такие ошибки приводили к исчезновению государства с политической карты мира. История Советского Союза тому ярчайшее подтверждение. Мнением разведки в восьмидесятих годах прошлого века руководители страны сознательно пренебрегли...

После того как СССР был разрушен, я подал рапорт об увольнении из органов. Я – офицер, принимал присягу. Для меня военная служба была закончена”.

Это Поступок. Генерал Н. С. Леонов не отступил от своих принципов: не стало страны, которой он присягал, – закончилось действие его воинской присяги. Я пытаюсь вспомнить кого-либо еще из высоких должностных лиц, оставивших государственную службу по убеждениям, потому что не могли они не видеть, как хищники и амбициозные политики разрушают Отечество и превращают Родину в объект торговли – и не нахожу в памяти ничего подобного...

Если бы мне пришлось кратко охарактеризовать Николая Сергеевича, то главными, базовыми определениями, на мой взгляд, стали бы: долг, честь, любовь. На этих “трех китах” он строил свою удивительную жизнь, что называется, “с молодых ногтей”.

А он, между тем, продолжает повествование: “С того времени я стал заниматься преподавательской деятельностью. Защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Стал преподавать современную историю в МГИМО. Занимаюсь журналистикой, работаю в редакции журнала “Русский дом”.

Я не знаю, как выглядят разведчики. Внешне Николай Сергеевич похож на профессора истории, каковым, собственно, и является: тонкие черты лица, благородные седины, глубокий взгляд синих глаз. А в молодости он был просто необыкновенно хорош собой: стройная фигура, прекрасные пшеничного золотого волосы, артистически изысканное лицо и веселые синие глаза с прищуром! О, он был смертельно опасен для неосторожных женских сердец. Но рядом всегда была надежная, верная и преданная подруга – жена Евгения Николаевна.

Я спросила у Николая Сергеевича, бывает ли он в Алмазово.

“Обязательно. Ежегодно. Каждое лето, – ответил он. – У меня там осталась родня. Так каждый свой приезд я стараюсь по-мужски помочь своей двоюродной сестре: дом подправить, хлев почистить, дровишек на зиму поколоть, накосить травы. Я ведь всю крестьянскую работу знаю.

Горько сознавать: мое родное село сейчас насчитывает полдюжины развалюшек, где доживают свой век старики из некогда многочисленных крестьянских родов. Никакие вражеские нашествия не смогли уничтожить наш народ, а политические “гении” последних десятилетий довели обширнейшие русские земли до полного разорения. Очевидно для того, чтобы за бесценок отдать в загребущие (не чужие для власть предержащих!) руки.

Размышляя над судьбой нашей страны, я исхожу из того, что человеческая мечта о равенстве родилась многие тысячелетия назад. Не большевики, не Маркс “изобрели” социализм. Корни человеческой мечты о равенстве и братстве уходят в древнее, а значит, подлинное христианство. В книге Нового завета “Деяния святых апостолов” (гл. 4, 32, 34) читаем про первые христианские общины, созданные апостолами Петром и Иоанном: “У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного...” А Петр и Иоанн были первоапостолами, получившими знание непосредственно от Иисуса Христа!

Попыток построить социально справедливое общество в истории было немало, но социалистическая революция в России возвела идею равенства и братства в степень государственного строя. И что же? Политика лидеров СССР состояла в отделении идеи от христианства, и государство заработало репутацию безбожного и антихристового! Революция закончилась неудачей не потому, что порочна сама идея, а потому что она была извращена и испоганена теми, кому народ позволил узурпировать власть. В то же время капиталистические государства, расслаивая общество по имущественному признаку, разглагольствуют о христианских ценностях, полностью извращая учение Христа. Сознательно умалчивается, что Христос предложил богатым, желающим следовать за ним, прежде раздать все, что имеют, и предупреждал, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное/Божие (Ев. от Луки, гл. 18, ст. 25). В Писании с осуждением говорится о тех, кто, на словах поклоняясь Богу, на деле “поедает дома вдов и сирот”.

“Я аналитик по роду профессиональной деятельности, – объясняет Николай Сергеевич, – для меня не имеют цены голословные утверждения. Я остаюсь приверженцем социалистического строя, которому искренне служил всю жизнь. То, что не является продуктом человеческого труда – земля, вода, недра, леса и т. д., не может быть частной собственностью. Не могут быть отняты у общества и переданы в частную собственность огромные производства, обществом же созданные, а тем более целые отрасли экономики.

И поскольку я всю жизнь поступаю в соответствии со своими убеждениями, отчетливо осознавая, что сегодня народ нуждается в помощи, остаться безучастным я не смог. Я пошел в большую политику”.

В 2003 году Н. С. Леонов был избран депутатом Государственной Думы от общественно-патриотического блока «Родина».

Рассматривая состояние нашего общества, он ясно видит проявления упадка и разорения во всех сферах его существования. Мышление аналитика, сформировавшееся и отточенное годами, позволяет ему из фрагментов мозаики сложить цельную картину, и она не дает оснований для оптимистических высказываний о наших перспективах.

«Многие явления сегодняшней жизни, — говорит Николай Сергеевич, — носят вопиющий характер, но на них либо просто не обращают внимания, либо всячески затушевывают их истинный смысл. Я имею в виду все общество в целом, без исключений. Вот, например, раньше роль России всегда приножалась на Западе. Бывая в загранкомандировках, я видел таблицу Менделеева без указания его фамилии — просто Периодическая таблица элементов, и все. Но теперь роль нашей страны умалется изнутри: засилие англицизмов в речи, безумные рекламные растяжки на центральных улицах столицы государства — что это, как не оплошление собственной национальной культуры? Чиновники и политики самого высокого уровня отправляют своих жен рожать за границу, чтобы их дети с самого рождения становились гражданами другой страны — какой цинизм, какое пренебрежение моралью и общественным мнением! Дети государственных деятелей обучаются за границей, потому что они изначально готовятся к жизни вне России. В России же они будут строить свой бизнес, который даст им возможность небедно прожить за ее пределами.

Русские самодержцы, жены которых сплошь были иностранками, воспитывали своих детей в России, в православии и любви к своей стране, избирая для их воспитания самых просвещенных граждан Отечества. Вспомните, воспитателем Александра II был поэт Василий Жуковский! Но сегодня нами правят люди совершенно иных принципов. И у нас исподволь формируют нелюбовь, неуважение, пренебрежение к нашей собственной стране!

Смертность достигла невероятного уровня: в Псковской области на четыре гроба приходится только одна детская колыбель. В Рязанской смертность в 2,5–2,8 раза превышает рождаемость.

Знаете ли вы, что принятые в России национальные программы не имеют цели? Скажем, программа народного образования СССР имела целью получение каждым гражданином законченного среднего образования. Жилищная программа предусматривала получение каждой семьей отдельной квартиры. Национальные же программы сегодняшнего дня цели не имеют вообще, что делает их бессмысленными.

А кто знает о том, что идет активный процесс закрытия сельских школ, фельдшерских пунктов, почтовых отделений? Министерство народного образования ежегодно планирует, какое количество школ предстоит закрыть. 15 тысяч школ ликвидировано по России. Мы иссушаем русскую землю, уничтожая социально-культурные объекты на селе, ведь с их закрытием прекращается жизнь в отрезанных от мира поселениях. И в это время в Европе выделяются специальные субсидии на сохранение школ в отдельных эстонских хуторах, чтобы не допустить исчезновения традиционных форм жизни сельского населения в Эстонии!

Власть способствует деградации личности. Все ясно понимают, что современные масс-медиа оскотинивают людей: юмор концентрируется только на темах где-то ниже уровня талии, мат с кокетливым смешком уверенно занимает место в речах публичных людей в различных программах, по всем телевизионным каналам идут криминальные новости, реалити-шоу делают «звездами» находящимся морально на уровне амебы бездельников. А люди, не находящие средств к существованию и не видящие никакой перспективы, в этом агрессивном наступлении на разум погибают, принимая предлагаемые образы за настоящую жизнь! И нынешней власти нужно именно такое общество — не способное на критический анализ и осознание бесценной роли каждого в истории. Выведя людей из политического процесса, она получает возможность не принимать во внимание реальную жизнь миллионов!»

Я поежилась. На самом деле, все понимают, что сегодня политику нашего государства определяют миллиарды нефтедолларов, помноженные на отвлечение к собственной стране. Власть живет сама по себе и для себя. А мы приходим и уходим из этой жизни, реально не влияя ни на что, — разводим

руками, скорбим, но ничего изменить не можем. Наши жизни, наши судьбы формируются не нами... Но разве можно из этого выйти?

“А выход тут только один, — отвечает мне Николай Сергеевич. — Если есть избирательное право — идти на выборы всех уровней, от депутатов местных Советов до депутатов Государственной Думы, до президентских. При этом точно знать, что делал кандидат в предвыборный период. Не слова слушать, а вдумываться в дела. Если кандидат уже избирался в Думу ранее, изучать, как голосовал по принятым законам. Ведь у нас в Думе существует интересная практика, когда голосование по самым важным законам специально откладывается на последние перед отпуском дни, когда времени на серьезное обсуждение просто нет. В частности, знаменитый 122-й закон о монетизации льгот, вызвавший бурю возмущений в стране, принимался просто по-хулигански: депутатов на три дня телеграммой отзывали из отпуска и требовали голосовать. Мы, фракция “Родина”, убеждали отложить рассмотрение законопроекта хотя бы на год, чтобы можно было серьезно изучить ситуацию, подготовить соответствующие подзаконные акты, чтобы продуманный закон заработал сразу. Нас не стали слушать. Результаты общеизвестны.

Законы, как известно, принимаются думским большинством. Так вот, когда вы пойдете на выборы, думайте, за кого отдаете свой голос, чтобы это большинство формировалось с учетом вашего мнения. Сейчас же все стало очень просто — отменили порог явки для выборов, и теперь каждый, кто не пришел на выборы, оставил самого себя беззащитным перед теми, кто будет голосовать за существующую власть.

Голосуйте разумом — не потому, что этот кандидат “прикольный”, как сейчас говорят, не потому, что он, например, хорошо поет или постоянно появляется на светских тусовках. Только по тому, какова реальная позиция кандидата по самым животрепещущим проблемам.

Надо помнить, что демократия — это власть большинства. О каком большинстве может идти речь, если выборы считаются состоявшимися при любом, сколь угодно малом числе пришедших на них? И чья же это получается власть?

Есть общеизвестная формулировка: народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Размышляя над этим, идите на выборы — другого пути для нас нет”.

Мы завершаем сегодняшнюю беседу. Выходя от Николая Сергеевича, я снова вспомнила концерт, на котором мы так дружно скандировали “Браво, Рязань!”. В антракте мы с супружеской четой Леоновых с удовольствием говорили о потрясающем мастерстве рязанских артистов, и я сказала, что даже не предполагала, каким восторженным может быть Николай Сергеевич. Глаза Евгении Николаевны светились любовью и гордостью за мужа. “Он вообще очень эмоциональный человек, просто обычно контролирует себя”, — сказала она. И я подумала: да, только равнодушный человек и может быть подлинным патриотом Отечества. Таким людям можно доверять судьбу страны.

Редакция, Общественный совет, читатели “Нашего современника” от всей души поздравляют советского офицера, патриота, выдающегося аналитика, вдохновенного оратора, опытного педагога и просто замечательного русского человека Николая Сергеевича Леонова с 80-летием!

Крепкого Вам здоровья, неиссякаемых жизненных сил, новых творческих свершений, дорогой Николай Сергеевич!